

Вселенная 113 Институт Счастья

16+

Зайцева Виктория

Виктория Зайцева Вселенная 113, Институт Счастья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44010986

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-08475-9

Аннотация

Психологическая фантастика. С первого взгляда кажется, что в будущем все счастливы. Одни этому рады, а другие видят в этом угрозу. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, людей из прошлого перемещают в будущее. Их исследуют, но зачем? И что значит принцип разделения по цвету одежды? Поможет ли он герою да и самому читателю лучше понять себя и других, или же это уловка для облегчения управления людьми? Описания реальных психологических экспериментов над людьми 19-20 веков, вплетенные в повествование, делают произведение еще более реалистичным.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	22
Глава 2	36
Глава 3	45
Глава 4	51
Глава 5	61
Глава 6	67
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Пролог

Когда Света предложила подбросить её до дома, у Миланы тут же возникли сомнения. Всё-таки они не друзья, а просто коллеги, да и отношения у них не самые тёплые. Хотя и не то чтобы плохие. Но честно ли садиться в машину и всю дорогу улыбаться человеку, которому где-то в глубине души ты всё-таки завидуешь? А где-то он даже тебя и бесит. А иногда он даже делает по работе что-то очевидно нестоящее, и ты уже вроде даже собираешься пойти и высказать своё веское мнение, но потом тебя останавливает то, что тебя, собственно, никто не спрашивал. А почему не спрашивал? Вот почему Свету спрашивают о чём-то по работе, а Милану нет?

Но не на этот вопрос сейчас Милане нужно было найти ответ, а на предложение проехаться до дома на машине. Предложение само по себе хорошее, особенно если вспомнить последние результаты исследований каких-то там учёных, которые показали, что люди, у которых дорога на работу занимает более 40 минут, больше подвержены разводам и депрессии. Учёные, конечно, уточнили, что, возможно, данная ситуация обусловлена и низким заработком и образованием людей, которые ездят на работу более сорока минут, но и сама дорога все же тоже воздействует негативно. Так говорили учёные, а Милана добиралась от дома до офиса за 50 минут. Зато она ехала на автобусе без пересадок, и обычно

имела возможность сесть и смотреть в окошко, если, конечно, за окном не было непроглядной тьмы. Так что Милана не смогла для себя определить, может ли она отнести себя к этой выборке людей с повышенным риском депрессии. Так как мужа не было, риск развода был минимален. Ей скорее не давала покоя мысль о связи длительности дороги с низким заработком. О том, зарабатывает она много или мало, Милана тоже не могла определить.

Пока мысли Миланы скакали от попытки оценить глубину отношений с коллегой к исследованиям учёных, пауза, выделенная ей самой себе на принятие решения по поводу поездки на машине, сначала затянулась, а потом и закончилась. И так как за последнюю уходящую долю секунды, Милана не смогла подобрать объективной и веской причины для отказа, она согласилась.

Теперь, сидя на пассажирском сиденье рядом со Светой, Милана так и не определилась, было ли решение правильным. С одной стороны, они ехали в удобной машине, с другой стороны, они стояли в пробке, и в этой ситуации явно ощущалась нехватка тем для разговора. Милана разглядывала свои руки, а точнее – кисти рук, на одной из которых было написано ручкой «яйц». Она всегда считала себя красивой. Хотя нет, не всегда. Сначала она просто об этом не думала. А потом как-то брат заглянул ей через плечо, когда она вставляла свеженапечатанные студенческие фотографии в альбом, и сообщил, что вот его подружка сказала, что «если

бы у нее была такая же хорошая фигура, как у тебя, то она бы не скрывала её под мешковидной одеждой. Она бы её подчёркивала». Озадачившись этим вопросом, Милана нашла идеальные пропорции тела и решила сравнить их со своими. Но измерять себя самой ей было неудобно, да и лень, поэтому она нашла пару фотографий в полный рост, и по ним высчитала свои средние показатели. Оказалось, неплохо, но ноги коротковаты. Либо туловище длинновато, тут смотря как посмотреть. Но в целом явно ничего, особенно в наш век обожания худобы. Но даже если к пропорциям при желании можно было прикопаться, то вот тот факт, что она выглядела моложе своих лет, отрицать было трудно. А тут, буквально на прошлой неделе, её подруга Клара вдруг заявила ей, что надо бы поухаживать получше за кожей рук, иначе они будут выглядеть не просто как сейчас, а все хуже и хуже. Это замечание озадачило Милану, и теперь она смотрела на ладони, пытаясь понять, на сколько лет они выглядят. Вроде выглядят не старчески, но, конечно, морщинки есть, особенно на месте сгиба кисти. И Милана начала припоминать, когда же появились у неё морщинки эти, на внутренней части сгиба, вроде бы казалось, что они были всегда, но это же не могло быть правдой. Милана медленно сгибала и разгибала кисть, смотря на изменение морщинок.

– Ты что делаешь? Рука болит? – вдруг спросила её Света.

– Что? А, нет... не болит. Вот как ты считаешь, насколько старыми выглядят мои руки? – Милана протянула свою руку

к зеркалу заднего вида.

– Да нормальные руки, а что?

– Ну вот я тоже раньше не замечала, а на этой неделе была в гостях у подружки. И та мне сказала, что у меня старая кожа рук. Что нужно мне за ней как-то ухаживать... Я вот думаю, нужно крем какой-то купить, что ли...

– Да не знаю. Ну купи крем. Но так-то нормальная у тебя кожа.

– Да вот смотри, морщинки же! Особенно у костяшек.

– Ну да, так а у кого их нет? У твоей подруги что, их нет, что ли?

– Не знаю, я, честно говоря, и не помню. Мы не так часто встречаемся. – Милана вспомнила, что вроде как руки-то они сравнивали, и руки Клары казались моложе. Или это Клара просто говорила, что у неё хорошая кожа. Милана вообще плохо запоминала зрительную информацию. Даже если она разговаривала с человеком 20 минут, а потом он вышел из комнаты, она бы не смогла ответить на вопрос, во что он был одет. Если, конечно, на нём не было ковбойской шляпы, или там костюма банана. Её всегда поражали люди, которые могли вспомнить, кто в какой одежде был вчера или на какой праздник уже одевал это платье. Поэтому разговоры типа «я считаю, ей не подходит та брошка» или «вы заметили этот кошмарный браслет у неё на ноге?» были всегда для неё закрыты. Ей нечего было сказать по этим поводам. Но в этом была и положительная сторона – люди быстро переставали

задавать ей подобные вопросы. И это хорошо, так как обсуждать людей за их спинами она не любила. Ну или вернее сказать так – любила, но только с лучшими друзьями. Однажды в детстве какой-то взрослый сказал ей, что нужно общаться с людьми так, чтобы в ситуации, когда по магическим причинам все узнали бы всю информацию о твоих разговорах, то тебе не было бы стыдно. Детство прошло, но мысль эта прочно засела у Миланы в голове. Если она начинала кого-то обсуждать, лицо этого человека тут же всплывало перед ней и говорило «ну как же так?!». Ей не нравилось видеть осуждение в этих воображаемых глазах, поэтому узнать мнение Миланы по поводу других людей было сложновато.

– Слушай, а это не та подруга, после которой ты переживала по поводу кругов под глазами?

– Да, это она... Точно, это она.

– Какая-то она у тебя странная, для подруги-то.

– Да...-Милана задумалась. – Раньше я не думала об этом, но может быть и да. Что-то после неё я все время ухожу с сомнениями в себе. Вот когда она у меня была в гостях в последний раз, она сказала, что мне нужно срочно сделать ремонт, что жить в такой запущенной квартире нельзя.

– Ну, по моему мнению, друзья должны не так себя вести.

– Нет, ну у меня реально давно в квартире ремонта не было. Откровенно говоря, его у меня не было никогда. Так что я, конечно, согласна, что его надо бы сделать

– Ну ты же жила как-то нормально до этого, раз его у тебя

не было никогда?

– Ну да, жила.

– Так значит тебе это не важно. Вот если ей важно – пусть она у себя ремонт и делает. Когда тебе нужно будет, ты и сделаешь. Ты же не квартиру ее оценивать пригласила. Вот у меня тоже такая подруга была. Сначала мы как-то хорошо общались, а после университета я однажды заметила, что она постоянно пытается меня убедить, что у меня что-то не так. То у меня мужчины нет, то мой мужчина мало зарабатывает, то мало мне вещей покупает, то на вечеринки мало со мной ходит. Ну и это не только про мужчину, по всем фронтам такое.

– И что ты сделала? Поговорила с ней?

– А что разговаривать? Смысл-то какой? Просто перестала с ней общаться. Не резко, конечно, но как-то всё меньше желания было её куда-либо приглашать. Ведь это и есть пассивная агрессия своего рода.

– Что за пассивная агрессия?

– Ну, это когда человек вроде под позитивным предлогом, но говорит тебе по сути какую-нибудь гадость. Знаешь, типа «для твоего же блага я хочу тебе сказать, что из этой затеи у тебя ничего не получится». То есть, вроде как бы и хороший поступок сделал, такой он молодец, но на самом-то деле он только что грязью тебя облил. Или знаешь, как ещё бывает, говорят «вот у меня тоже так было с прошлым парнем, он меня совсем не любил». А откуда взялось это «тоже»? То

есть человек тебя вроде бы формально поддержал, и как-то наехать на него и возмутиться повода нет, а ведь очень хочется, так как по содержанию своей фразочки – он тебя обидел! Это даже хуже, я считаю, чем открывая агрессию. На неё можно открыто ответить, а тут человек, как говорят, «мягко стелет, да жёстко спат»». – Светлана посмотрела в зеркало заднего вида, внимательно совершила обгон и потом продолжила – Поняла про пассивную агрессию?

– Да, интересная штука! Так и что с ней делать?

– В смысле, что делать?

– Ну, вот если общаешься с таким человеком? Точнее, он с тобой так общается.

– Я не знаю, но я думаю, что с таким человеком нужно как минимум постараться не общаться. И уж не принимать его мысли близко к сердцу. Просто он в жизни чем-то очень недоволен, но решить это не может, вот и изливает на всех свое недовольство. Легче просто с ним не общаться. Ну, если он конечно не близкий родственник. Так что, короче, нормально ты выглядишь, вон, тебе алкоголь до сих пор, небось, без паспорта не продают, а ты про кожу рук беспокоишься.

– Ну да, так-то ты права.

Они немного помолчали.

– Крем для рук, конечно, ещё тоже никому не навредил. – заметила Света.

– Это тоже да.

– Так, пора поворачивать. Здесь или на следующем пере-

крестке?

– Здесь.

– Где остановиться?

– Ну где-нибудь у серого дома.

– Да здесь все серые. Перед садиком или после?

– Всё равно.

– Ну мне-то так-то вообще все равно. Это тебе идти.

– Ну давай до.

– Уже проехали, остановлю после.

– Хорошо, давай после. Все, пока!

Милана вышла из машины и облегчённо выдохнула. Всё, свобода и одиночество, в следующий раз она поедет на автобусе. Там водитель не спрашивает, где ему поворачивать и где останавливаться. Именно поэтому она любила общественный транспорт, а не эти безумные маршрутки, где нужно кричать «остановите в конце здания!» и думать, достаточно ли ты громко крикнул, чтобы водитель услышал тебя, но при этом не оглохли пассажиры рядом. А потом, когда вы уже подъезжаете к концу здания мучительно думать, пора ли уже повторно крикнуть, или нужно ещё дать водителю шанс затормозить. Ведь в маршрутке всегда найдутся как те, кто скажет «надо было громче кричать!», так и те, кто недовольно буркнет «что ж вы так орете, девушка!». То ли дело автобус – все остановки заранее определены, можно избежать ненужных коммуникаций с неизвестными людьми.

Всё, скоро дом – милый дом: комната, кухня, тишина,

книги и бонсай... нужно уже решительно разобраться с этим бонсаем. Решено – сегодня.

Войдя в свой не слишком светлый двор, она заметила рыжеволосого мужчину, тоже начинающего движение в сторону её дома. Милана такого не любила, ей слишком запомнилась фраза отца, сказанная ей в детстве – больше всего нападений происходит у парадной или в парадной, так как, подойдя к дому, человек расслабляется и становится недостаточно бдительным. Помнила она и совет папы о том, что делать в ситуации, если всё же у дома на тебя кто-то напал. Нужно бежать к ближайшей машине и бить ногой по колесу. Сработает сигнализация, и уж хозяин машины точно выглянет из окна узнать, что случилось. А чтобы он был заинтересован помочь разобраться с маньяком, лучше вцепиться в зеркало машины. Чужую девушку может ему спасти и не особо захочется, а вот свою машину – это да, это дело другое.

Милана оглянулась, чтобы определить к какой машине она побежит если что, ускорила шаг, и смотрела в упор на рыжего человека, пока пикал замок парадной двери, а через секунду уже захлопнула её за собой. Фух, всё хорошо, можно расслабиться, это наверняка был просто житель соседнего хостела. Только проблемы с этим хостелом. Она поднялась на третий этаж и вошла домой.

В квартире она выглянула во двор с балкона, никого там не увидела, но зато оказалась лицом к лицу с бонсаем. Он стоял на столе и был призван украсить кухню, создать в ней

уют и некий японский эlegantный стиль. Придать лаконичности и изысканности обстановке. Некоторые могли бы сказать, что поклейка новых обоев или там замена облупившегося гарнитура лучше бы справились с этой задачей, но Милана ненавидела ремонт. При слове ремонт, она вспомнила жуткие картины из детства, когда меняли мебель на кухне и поэтому все содержимое шкафов было вынесено в коридор. Проход к туалету был почти заблокирован, поиск ложек для обеда превращался в опасный квест с подниманием тяжёлых предметов, а о возможности легко вскипятить водички для чая можно было забыть. При этом все спотыкались, вещи падали и ломались, что накаляло и без того напряжённую обстановку в семье, которая пытается прийти к единому выбору цвета обоев. Чур-чур-чур, чем дальше от ремонта, тем лучше. А так же Милана вспомнила свою подругу, которая рассказала ей, что спор о том, как клеить обои в коридоре – встык или внахлест, чуть не привёл к разводу. Спасло молодую пару от расставания только то, что подруга была на шестом месяце беременности. Но она говорила, что если бы муж не согласился клеить встык, развода было бы не миновать. Как можно проводить хоть какие-то изменения в жизни после таких историй?

Итак, деревце, проданное Милане как бонсай, грустно стояла на столе. Его веточки топорщились в разные стороны, стремясь скорее вытянуться в длину, нежели покрыться множеством сочных зелёных листиков. Оно напоминало

престарелого лысеющего ежа, а не украшение дома. Причина была Милане известна – такие деревца необходимо регулярно подрезать. За счёт этого будет вырастать больше новых веток и больше листиков на уже существующих ветках. В теории всё было просто, но на практике это означало, что нужно обкромсать и без того печально выглядящее деревце. И за счёт этого листиков на нём станет гораздо меньше, и само она станет ещё более сиротливым. Ведь новые побеги появятся когда-нибудь потом, а вот прямо сейчас оно потеряет большую часть своей и без того не густой кроны. С этими мыслями Милана постояла с ножницами над бонсаем, отрезала маленькую веточку, постояла ещё, прикрыла рукой верхнюю часть кроны, чтобы понять, как будет выглядеть обрезанное дерево, и положила ножницы обратно в ящик. Нет, это слишком жестоко. Резать что-то живое, выбрасывать зелёные листья. И ведь ещё неизвестно, точно ли бонсаю будет после этого лучше... пусть уж будет так, как есть. Хоть что-то.

Из коридора послышалась весёлая мелодия её телефонного звонка. Подплясывая мелодии, она подняла трубку. Звонила тётя Алла.

– О, как ты быстро взяла! Не ожидала от тебя. Ну, к шарлотке всё готово? Я буду через час.

– Блиииииин!

– Что?

– Яйца! – Милана посмотрела на правую кисть с надписью

«яйц». Ну как же так-то! Она ведь собиралась купить их по дороге. Было бы так удобно и хорошо, а теперь!

– Забыла купить?

– Да!

– Ну иди, покупай.

– Ох, ну я не хочу. Это опять одеваться, идти.

– Но мы же договорились, у меня уже все на работе ждут, я должна победить в этот раз на конкурсе шарлоток.

– Ой, ну что у вас за глупые конкурсы каждый раз. Тааааак неохота идти!

– Ты же знаешь, что сама я не могу. Если бы я сегодня домой шла вовремя, то я бы конечно купила бы сама. Вот в магазине на углу и купила бы. Там вообще нормальная продукция, мне нравится. И продавщицы нормальные, все тебе подскажут. А то знаешь, бывает иногда, слова от них не добьешься. Ничего не могут про продукцию сказать.

– Ну при чём здесь продавщицы? Ну, ладно, ладно, я пошла.

– Вот и хорошо. А про продавщиц это я к тому, что ты прямо в этот магазин и иди. Там яйца точно есть. Они там всегда есть, сколько бы я не заходила. Мне говорили, что у них прямо с каким-то совхозом связь. Они прямо от них и привозят. Так что они там точно будут...

– Да Алла, яйца есть везде, не в этом проблема. Всё, я пошла уже.

– Да, спасибо, а то без яиц-то мне никак не приготовить

шарлотку. Ты же сама понимаешь. Там по рецепту из интернета нужно три. А чем ты их заменишь? Да ничем. Только если яичным порошком, но его тоже дома нет, так что даже если было и можно его заменить...

– Алла, всё, я иду, говорю же тебе, иду. Давай, пока.

– Да пока, ну вот как хорошо, что я тебе позвонила. Вот и напомнила, а то прямо что-то меня потянуло тебе позвонить. Хотя вроде через два часа и так увидимся...

– Да-да, увидимся. Всё, пока! Мне пора идти. Пока!

– Пока!

Фух, откуда у людей столько энергии так активно болтать под вечер? Прямо все остатки сил из тебя высасывают, и ещё их и не прервать, как-то неудобно, и вот хороший же и положительный со всех сторон человек, и родственник, а иногда хочется прибить. Вот вопрос был на 15 секунд, а ощущение было, что этот разговор никогда не кончится. Ну какие продавщицы? Какой порошок? К чему все это было, зачем ей все это говорить?

Милана медленно снова натянула пуховик, подумала что надеть – сапоги, которые теплее или полуботинки, которые быстрее одеть. Выбрала сапоги и пошла на улицу.

Как же скользко на улице рядом с домом! Эта новомодная тротуарная плитка скользит, как каток. И ещё так предательски припорошена снегом, что и непонятно, куда можно безопасно ступить. Хотя, надо сказать, что этой зимой Милана ещё ни разу не упала. Это за счёт того, что она всегда

шла сосредоточенной. Руки вынуты из карманов для балансировки, идет по протоптанному снегу, ногу отрывает только тогда, когда вторая уже прочно стоит. Никаких каблучков, только плоская подошва. Но сейчас не спасало даже это. Но всё же ей удалось добраться до магазина, купить пакет яиц и без происшествий свернуть на свою улицу. Милана как раз думала, куда поставить ногу, когда вдруг её окликнули. Она обернулась, и от неожиданности немного отпрыгнула от рыжего мужчины. Такой интеллигентного вида мужчина, худощавого телосложения, в длинном пальто и берете.

– Как удачно, что вы купили яйца! – Он добродушно на неё смотрел, но секундой позже она увидела, что в его руке сверкнуло что-то очень похожее на нож. Милана замерла и подумала, что нужно бы закричать, но как-то совсем не кричалось. Она поняла, что она не умеет кричать. Зато вроде начали возвращаться мысли и осознание частей своего тела, но тут незнакомец заговорил:

– Девушка, скажите, пожалуйста, вы счастливы?

– Что?!

– Вы счастливы?

Милана поняла, что нужно ответить правильно, очень нужно ответить правильно. Но какой тут верный ответ? Если неправильно, то хотя бы быстро, решила она.

– Да. – Всё-таки “да” – это некоторая форма согласия. Это позитив, это должно как-то объединить их с рыжим и на этой волне хоть немного разрядить ситуацию.

– Да? – как-то медленно и задумчиво сказал мужчина. Как-то слишком медленно сказал, и не радостно. Наверное, ждал не этого.

– То есть нет, – сказала Милана. Она начала зачем-то поднимать руки, но остановилась, решив не выводить его из равновесия лишними движениями. Так и стояла, сжимая пакет яиц.

– Так да или нет? Вот задумайтесь, прислушайтесь к себе – вы счастливы?

Обстановка никак не располагала Милану прислушаться к себе. Но мысли в голове начали скакать более медленно. Это явно не вор. Наверное, он маньяк или сумасшедший, скорее сумасшедший, и, как назло, нет никого вокруг. Нужно тянуть время, ему явно хочется поговорить. Но важно при этом его не разозлить и не вызвать приступ агрессии.

– Я точно сказать не могу, – медленно начала говорить Милана, – где-то да, где-то нет. Сложный вопрос.

– Ну вот на работе, как вы ощущаете себя на работе? Вы хотели бы поменять работу?

– Да, хотела бы, – придумывать ложь было бы слишком сложно и пока вроде тема была безопасной.

– А друзья? У вас есть друзья?

– Да! У меня очень много друзей! – Решив, что это проверка на то, будут ли ее искать, если она пропадёт, Милана решила поспешно добавить, – и родственников. Ещё у меня есть родственники. Много родственников.

– Вы знаете, когда человек отвечает на вопрос очень быстро, – вкрадчиво заметил рыжий интеллигент, – Это обычно означает, что он говорит неправду. Я ни в коем случае не хочу сказать, что вы мне врѐте, но возможно неосознанно вы сами не вполне верите в то, что вы говорите.

Милана начала не вполне понимать то, что происходит и терять чувство реальности. Приятный во всех отношениях человек расспрашивал её о счастье, но при этом держал нож, на который она боялась даже посмотреть.

– Вот если бы я вас попросил оценить свой уровень счастья по шкале от 1 до 100, то как бы вы его оценили?

– По шкале? По какой шкале? – Милане начало становиться страшно, так как она чувствовала, что своим непониманием может спровоцировать вспышку гнева у этого сумасшедшего. Людей вокруг так и не было. Машин, в зеркала которых можно было бы вцепиться, тоже не было. Чертовы яйца!

– Я вам сейчас объясню. – Мужчина свободной рукой полез куда-то в пальто. Милана поняла, что пора бежать. Она резко развернулась, и рванула к дому. На втором же шаге ее нога заскользила, она инстинктивно подняла руку, чтобы спасти яйца. Этот неожиданный замах ещё больше вывел её из равновесия, и она начала падать на спину. Распластавшись на тротуаре, она ощутила достаточно сильную боль в локте и в голове. Это отвлекло её, она рефлекторно начала щупать голову руками, и тут же слегка ударила себя по лицу

пакетом яиц.

– Да блиин! – вырвалось у неё, и тут же донёлся голос сверху:

– Давайте я вам помогу! – Прежде чем она успела вскочить, рыжий уже протягивал к ней руки. Она наотмашь ударила его по руке, и в последнюю секунду увидела, что в руке был блокнот и сверкала ручка.

Мужчина удивленно отшатнулся:

– Вы как-то немного агрессивны для счастливого человека.

Но Милана уже поднялась на ноги, и побежала во двор. На повороте она обернулась и увидела рыжего, спокойно стоявшего на улице и смотревшего ей вслед. Вдруг ей показалось, что он сейчас просто телепортируется прямо к ней. Она добежала до дома, влетев в подъезд, на всякий случай позвонила в дверь нижних соседей и помчалась к себе. В квартире она аккуратно выглянула во двор из балкона. Никого не было.

Она села у двери, никаких звуков не было. Нож или ручка? Нож или ручка? Вдруг зазвонил телефон. Снова Алла.

– Слушай, такое совпадение! Прямо перед выходом из офиса у нас продавали яйца, ты представляешь? Так что никуда ходить не нужно. Я уже везу их домой. Ты же их ещё не купила?

– Я? Купила. То есть нет. То есть да. – Рядом с дверью Милана увидела пакет яиц. Но разве она их не разбила? Она

что, бежала все это время с яйцами? Но ведь при входе в парадную она одной рукой держала ключ, а другой открывала дверь. Или нет? И что же – они все целые?

– Что ты молчишь? Так нет или да? Не могла же ты одновременно и купить яйца, и нет. Ты чего там?

– Я... да... – Милана открыла пакет, вроде никакой жидкости нет. Только как-то они странновато выглядят. Как будто немного другого цвета. И даже как будто живые. Милана протянула было к ним руку, но тут же отдернула её. Что за бред? Какие живые яйца? Что всё мерещится сегодня!

– Что это значит? У тебя там всё хорошо?

– Да-да, конечно. Яйца я купила. Все нормально, приходи, жду. – Милана встала и пошла на кухню искать таблетку от головы. – Давай, пока! – не дожидаясь ответа, она выключила телефон.

Голова трещала, локоть ныл. Милана начала открывать баночку с ибупрофеном. Как хорошо, когда дома есть хорошие таблетки. Не нужно решать, что сделать – ещё потерпеть боль или уже пора травить желудок химией. Качественные заграничные таблетки сняли этот вопрос...

Глава 1

Милана проснулась в белой комнате. Сегодня явно должно было произойти что-то приятное. Ну или начать происходить. Поэтому хотелось поскорее начать этот день. Она быстро встала, нащупала ногами белые тапочки, потянулась в разные стороны, и решила выглянуть в окно. Очень хотелось увидеть зелень, солнышко, покачивающуюся на ветерке листву. А ещё лучше было бы увидеть за окном море. Вот так открыть окно, а там – свежий бриз, шум волн и бесконечный рассвет.

Она начал искать окно и с удивлением обнаружила, что его, собственно, нет. Помещение было метров пятнадцать, и Милана с любопытством обнаружила, что она не очень-то знает, где она находится. Захотелось исследовать эту комнату, а в особенности – разузнать что-то об обитателях других кроватей. Их в комнате было ещё два. Одна девушка явно спала, хотя, может, просто лежала с головой под одеялом – кто её знает? Другая, казалось, что-то читала.

Милана двинулась было к ней, но осознала, что она ведь даже ещё не умылась, и совершенно непонятно, как она выглядит, во что одета и пахнет ли у неё изо рта. Нужно было сначала привести себя в порядок. Но вот так незадача: где находится ванная комната, Милана не знала. Поэтому всё же пришлось подойти к девушке:

– А где здесь ванная?

Девушка повернулась, и оказалась обладательницей больших зелёных глаз. Милана увидела, что она читала – это был журнал, вот только он был пустой. Просто набор белых страниц. Но с другой стороны, а почему бы и нет, может, ей нравится трогать страницы или, может, она умеет читать невидимые чернила.

Помощник главного распределителя, наблюдавший за белой комнатой, сделал запись в журнале: день первый, 10:45 по их времени – нулевая комната принятия и пробуждения желаний явно уже начала действовать.

Зеленоглазка задумалась, помолчала пару секунд и, немного удивившись, сказала:

– Я не знаю, как это ни странно. Но я бы тоже хотела сходить в ванную.

Вдруг на противоположной стене немного приоткрылась дверь, и стала видна надпись на глянцевой табличке «ванная».

Милана пошла по направлению к двери, но тут с противоположного конца комнаты встала и быстро подошла к ней ещё одна девушка – худая блондинка в белом платье. Взгляд сразу цеплялся за её дреды, которые, видимо, были очень длинные, так как были обмотаны вокруг шеи наподобие шарфа. Она остановилась в десяти сантиметрах от неё, когда

Милана как раз уже сделала шаг назад, чтобы увеличить дистанцию между ними. Блондинка оглянулась по сторонам, потом наклонилась к Милане и тихо прошептала:

– А ты не думала раньше, сколько будет 6 на 8?

У Миланы всегда было туго с математикой. В первом классе они долго-долго проходили умножение на два, и где-то в районе умножения двух на восемь, Милана заболела. Она думала, что ничего страшного не произойдет, если она проболит две недели. Вернувшись в школу, она ожидала застать класс примерно на изучении умножения трёх на четыре, но оказалось, что без неё все совершили резкий математический скачок, и уже заканчивали изучение таблицы умножения. Поэтому фраза «да это легко, как таблица умножения!» всегда ставила Милану в тупик. Как и многие другие идиоматические выражения, которые она всегда принимала на веру и их смысл угадывала скорее из контекста.

Поэтому, внезапный вопрос из таблицы умножения вызвал паузу в разговоре.

– Вот-вот, а ты подумай! – подбадривала блондинка

– Ну, 6 на 6 – 36. А тут ещё два раза по шесть, то есть к 36 нужно прибавить 12...

– И что получается?

– Получается... 48. Так?

– Вот именно, 48. 48! – она долго смотрела Милане прямо в глаза, а потом начала говорить почти шёпотом, – должно получаться 48. А что получается?

– Что получается? – непонимающе ответила девушка.

С одной стороны, Милане очень хотелось узнать ответ, что же получается на самом деле вместо 48. Она уже почти вдохнула, чтобы сказать, что, видимо, имеется в виду старая мысль о том, что нельзя просто так складывать части и что получившееся в результате такого сложения всегда будет не просто суммой слагаемых, но чем то больше. Так как в результате суммирования появляется ещё и некая связь между слагаемыми, которую тоже нужно учитывать. Теоретически, при умножении должна появляться тоже какая-нибудь аналогичная «связь», но... Блондинка совсем не выглядела как человек, который загадывает тебе математическую шараду. Выглядела она скорее как шпион, или как сумасшедшая, и это начинало немного пугать Милану.

– Вот в том то и дело, что получается не 48! Подумайте сами, подумайте! – прошептала блондинка, всё ещё смотря прямо в глаза. Потом она подмигнула, снова оглянулась по сторонам, вдруг отвернулась и пошла к кровати.

Милана осталась стоять посреди комнаты. Ей очень не хотелось, чтобы кто-то ещё к ней приближался, да и вообще, ей вдруг всё меньше и меньше хотелось здесь быть. Она начала более внимательно присматриваться к этой комнате. Начало казаться, что-то с ней было не так...

Запись в журнале помощника распределителя: «низкая скорость реакции, склонность к невовлеченному анализу си-

туации. Возможно, повышенная мнительность. Повышаю уровень принятия»

Хотя с другой стороны, комната как комната. Блондинка, конечно, явно человек не стандартный, а значит, интересный. Видимо, всё же увлекается математикой. Может, 6 на 8 и не 48? Наверное, она ошиблось в подсчётах, да и какая в целом разница. Важнее – что есть ванная.

В ванной была новая зубная щётка, расчёска, и ещё много чего. Оглядев всю ванную, в которой всё же чего-то не хватало, Милана подумала, как хорошо было бы иметь белый махровый халат или полотенце, как в отелях. Такое мягкое, большое и какое-то южное. Вот так закутываешься в него после душа и выходишь на балкон – пить вино с видом на море... Да, было бы замечательно. Мечтая о шуме волн, Милана почистила зубы и вернулась в комнату.

Только она села на кровать и начала раздумывать, чем бы заняться, как в противоположной стороне комнаты засветились лампочки, и почти бесшумно, с каким-то выдохом отодвинулась дверь. За ней не наблюдалось совершенно ничего интересного, тоже какие-то белые стены. Никто не вошёл. Другие девушки никак не отреагировали ни на лампочки, ни на дверь. В связи с этим Милана тоже быстро потеряла интерес к случившемуся и начала рассматривать соседок. Зеленоглазка продолжала листать страницы со скоростью, предполагавшей, что их изучение – занятие весьма трудоёмкое.

Блондинка сидела спиной, поэтому не было видно, чем там она занимается. Милана снова решила посмотреть в окно, снова поняла, что его нет, и начала было вспоминать, чем же она обычно занимается в такие моменты.

Запись в журнале: «Любопытство на нулевом уровне. В связи с этим – первое – пришлось применить внедрённую мысль. Второе – согласно пункту инструкции 13.6 ввожу тест на уровень принятия. Подозреваю превышение уровня». Запись в личном блокноте помощника: «узнать у главного распределителя, правильно ли я поступил».

Милану вдруг посетила мысль, что раз дверь открылась, и девушки на это не отреагировали, значит, дверь открылась для неё. Даже странно, что она не догадалась об этом раньше. Выйдя из комнаты, она оказалась в широком петляющем белом коридоре, освещённом чрезмерно ярко, вследствие чего через какое-то время глаза стало немного резать. Пришлось даже остановиться, чтобы протереть глаза, и тут она услышала справа глухой звук падающих предметов. По направлению звука в стене коридора располагалась дверь. Милана хотела было пройти мимо, но потом вдруг передумала и, приоткрыв дверь, заглянула внутрь.

Запись в журнале: «Применена вторая внедрённая мысль за час. Нарушение инструкции связано с угрозой срыва (за-

чёркнуто). Связано с проявлением нестандартного уровня *(зачёркнуто)*. С необходимостью корректировки первоначального плана исследований в связи с нестандартными реакциями на раздражители *(зачёркнуто)*». Запись удалена из журнала. Запись в личном блокноте «Внедр. Мысль 2 не занёс. Не буду больше записываться на дежурство в дни приёмки».

За дверью была небольшая комнатка со стопками бумаг, коробок и стеллажами, уставленными какими-то пластиковыми ёмкостями. У стены в странной позе на груди коробок лежала взрослая женщина в кофте и длинной юбке. Она никак не отреагировала на Милану и продолжала смотреть куда-то в пол. Милана, смутившись от того, что она вторглась в чужое пространство, закрыла дверь и поспешно отошла.

Пройдя шагов пять она остановилась. С одной стороны, всё же женщина лежала не расслабленно, а скорее как-то даже неудобно. Тем более странный выбор места, если на тебе длинная юбка. И что это был за шум? Что-то упало? Может, на неё упали коробки? Может быть, ей плохо? Но с другой стороны, она не стонала, и коробок на ней не было. Возможно, человек хочет побыть один, и неприлично ему мешать и донимать вопросами, почему он выбрал для себя именно такую позу, а не более, на ее взгляд, удобную. А с третьей стороны, тут выбор между угрозой здоровью другого человека и вероятностью оказаться бестактной.

Милана повернулась, снова взялась за ручку, помедлила пару секунд, повторила про себя «угроза здоровью, вдруг нужна помощь», и снова открыла дверь. Женщина продолжала лежать на коробках, совсем без изменений. Она не проявляла ни недовольства, ни желания быть спасённой, что только усугубляло дилемму Миланы. Выходить, а потом возвращаться в третий раз было бы совсем уж немыслимо и нелепо, поэтому, пересилив себя, девушка решила всё же расставить все точки над ё. Она подошла ещё ближе и спросила:

– У вас все хорошо?

Женщина, даже не шелохнувшись, подняла на неё глаза и просто смотрела то ли грустным, то ли отрешённым взглядом, направленным скорее внутрь себя, чем на Милану. Точки над ё совершенно не расставлялись. Женщина отвела взгляд, чуть пошевелила рукой, и Милана с облегчением восприняла это как сигнал к уходу. Отвернувшись от женщины, она пошла к двери. Очень хотелось задать ещё какой-то вопрос и поскорее уйти. Не найдя, что бы такого спросить, Милана вышла в коридор. Она отошла к стене, так и не решаясь уйти далеко. Можно кого-то позвать, но что сказать: там кто-то странно лежит? Или нужно все же вызвать женщину на более длинный разговор? Но ведь Милана сделала всё, что могла. Она задала вопрос. Отвечать или нет – это был выбор женщины. Она выбрала молчание, что ж, значит она хочет там лежать. Выбор другого человека важ-

но уважать, насколько бы он странным ни казался. Так? Так! И, оправдав таким образом своё желание уйти, Милана продолжила путь по коридору.

Ей навстречу быстро прошёл бритый парень с коробочкой в руках. Весело кивнув, он скрылся за поворотом. Через несколько секунд, Милана услышала хлопок двери, голос: «Здесь нужен врач, секция 26, женщина в сознании, но еле дышит». Девушка побежала обратно, пока снова не увидела злосчастную дверь. Бритый парень сказал что-то ещё в коробочку на стене, получил оттуда какой-то ответ про возможный сердечный приступ и скрылся в комнате. Пока Милана продолжала стоять у стены, мимо неё пробежали ещё несколько человек, и она услышала обрывки фраз: «Сразу показалось странным» и «похоже на приступ a17».

Решив, что ситуация уже развивается должным образом и нужные люди идут на помощь, Милана пошла дальше по коридору.

Запись в журнале: «Результат теста – помощь оказана не была. Первичный вывод – высокий уровень принятия привел сначала к снижению любопытства почти до нуля (не возникло интереса к открывшейся двери), а также возможен переход принятия в безразличие. С целью избегания возможных травм, уровень принятия снижен».

Чем дальше она отходила от двери, тем больше начина-

ла чувствовать себя виноватой. Хорошо, что бритый решил войти в эту комнату, а если бы его не было, что получается? Из-за её бездеятельности, боязни быть навязчивой, нежелания нарушать чужие границы – из-за этого умерла бы женщина? Ведь сразу было видно, что лежит она странно. Нужно было чётче спросить и про помощь, и про состояние. Может, нужно было чётче поставить вопрос – да или нет? Но откуда ей было знать, что она обездвижена, что она не может ответить? Милана начала перебирать в голове другие схожие случаи – а были ли ещё какие-то ситуации, где что-то могло пойти не так из-за того, что она решила не вмешиваться? Но с другой стороны, а как определить, когда нужно вмешиваться, а когда нет? Ведь многие люди любили и ценили её как раз за то, что она никогда не вмешивалась, пока её не попросят. Даже если она видит, что человек уходит от ответа, не выдает какую-то информацию, меняет тему разговора – пусть даже врёт – ведь это говорит о том, что почему-то он сейчас не считает нужным что-то ей сообщать. Может, это секрет, или сюрприз, или ещё что. Не нужно лезть в душу без разрешения. Когда захочет – сам расскажет. И вроде всё логично и аргументировано, а тут эта женщина...

Мысли Миланы прервало окончание коридора и две двери, обе из которых были закрыты. И не было окон, чтобы хоть примерно понять, что там – за этими дверьми. Милана отметила, что отсутствие окон как-то характерно для этого места. При этом, это явно никого не удивляет, вот и её со-

седок тоже. Кстати, как-то удивительно, что она не уточнила, как их зовут. Конечно, она бесконечно плохо запоминала имена, и шанс, что она бы сейчас вспомнила их, даже если бы они ей прежде сказали, был ничтожен. Но всё же, интересно же, как кого зовут... Странно, что до этого ей было это ровным счётом неинтересно. Зато теперь ее любопытство было сосредоточено на этих дверях. Какую из них выбрать? Не зря же она сюда зачем-то шла. Хотя более логичным ей сейчас казалось остаться в комнате и поговорить с соседками. Может, тогда она и знала бы, какую дверь выбрать.

Замочной скважины не было ни на одной из них, как, впрочем, и кого-то явно выраженного замка или ручки. Она заглянула в одну из них – там за длинным столом сидел пожилой мужчина и смотрел прямо на неё:

– Заходите, я уже вас заждался. Или вы предпочитаете пойти в другую дверь?

– Да нет, раз вы меня ждёте... зайду к вам, наверное, да?

– А как вы изначально хотели, пока не открыли эту дверь?

– Ну, я хотела в окно посмотреть, но здесь как-то нет окон.

– А это странно, что окон нет?

– Ну странновато, на мой взгляд. А вы как считаете? – Милана сделала шаг вперёд и уже начала закрывать за собой дверь.

– О, так вы всё-таки решили зайти именно в эту дверь.

Милана остановилась:

– Ну, как-то мы уже говорим, можно сказать, начали диа-

лог. Но я могу и выйти.

– Так а вам как хотелось бы? Вам какая дверь интереснее?

– Как же я могу сказать, какая дверь мне интереснее, если я не знаю, что находится за другой дверью?

– Так значит, что вы хотите?

«Вот странный собеседник», – подумала Милана, – «странный и надоедливый. Столько вопросов – как будто я в школе».

– Ну, я бы конечно хотела узнать, что находится за другой дверью.

– А почему тогда вы входите в эту дверь, а не идете узнавать, что за другой?

– Так вы же сами сказали, что ждали меня, – и с некоторым раздражением добавила, – или вы скажете, что не говорили этого?

– Говорил. Конечно, говорил. Я каждому это говорю. – Он немного помолчал. – То есть получается, что вы хотите посмотреть что за другой дверью, но из-за того, что человек, о котором вам ничего не известно, сообщает вам, что вас ждёт, вы готовы сделать то, что он от вас ждёт, а не то, что хотите вы. Так получается? – Он говорил медленно и задумчиво, и пару раз Милане показалось, что он что-то даже записывает. Но при этом, он её катастрофически раздражал. Захотелось, сделать что-то вопреки, как-то поставить его на место, и поэтому Милана сказала:

– Нет , получается не так. Я пойду открою вторую дверь.

А потом вернусь к вам, до свиданья.

Запись в журнале: «Предположительно низкий уровень осознанности. При давлении склонна делать обратное от требуемого. Нестандартный выбор. Для исследования новой ветки поведения посылаю запрос на разрешение закрытия возврата». Как-только помощник распределителя нажал точку, монитор подсветился зелёным. Удивившись такой скорости ответа, он добавил в отчёт «запрос удовлетворён», затем немного замешкался и исправил на «запрос согласован». Потом он вспомнил лицо своего преподавателя, всегда такого умного и всегда правого, всегда снисходительно улыбающегося, исправляя ошибки практикантов. Помощнику всегда хотелось хоть раз подловить его на какой-нибудь ошибке, или хотя бы неточности, на какой-то человеческой слабости, чтобы через это можно было оправдать и свои слабости и ошибки. Из-за чуть не совершённой оплошности, желание свергнуть преподавателя с трона непогрешимости разгорелось в нём с новой силой, и помощник добавил в отчёт «согласовано крайне быстро». Ведь не зря же им говорили, что если какая-то реакция по своему вектору, силе или скорости отличается от среднего, то нужно обратить на это особое внимание. Именно в таких отклонениях и кроется ответ. И пускай сейчас ему ответ совсем не ясен, хотя что там говорить, не ясен и вопрос, но его дело – зафиксировать отклонения, а уж более

опытные люди смогут его интерпретировать.

Глава 2

Милана вышла в коридор и облегчённо выдохнула. Стараясь максимально аккуратно закрыть дверь, чтобы никто не подумал, что она ей хлопает, она прошла несколько шагов и тихо толкнула следующую дверь. Оставшись стоять в проёме, она увидела просторный холл, большая его часть была заставлена столами с лавками по обеим сторонам. Люди, сидевшие на них, что-то ели и разговаривали между собой. В отличие от прошлой комнаты, в этой никто и не подумал обратить на Милану какое-то внимание. Аппетитно пахло едой, и Милана вспомнила, что с утра ничего, собственно, и не ела. Тут же захотелось присоединиться к этим людям, но она вспомнила про ожидающего её джентльмена. Зачем только она вообще открыла эту первую дверь? Что ж, в конце концов, голод – причина весьма веская для переноса разговора, сейчас она быстро к нему заглянет и под этим предлогом прилично отменит их разговор.

Милана быстро вернулась к первой двери и решительно надавила на неё. На удивление дверь оказалась закрыта. «Вот что за человек!» – подумала Милана, но тут же осознав, что ей это только на руку, так как удалось избежать неловких объяснений, она пошла обратно в холл. Войдя в него, она остановилась на полпути к лавкам. Было не очевидно, что и как здесь происходит. Откуда берут еду? Куда можно са-

даться, а куда нельзя? В распределении людей явно наблюдалась какая-то система. Большинство компаний группировались по цвету одежды – синей, красной или зелёной. Но были и исключения. Одеты в зелёное чаще всего встречались в компаниях с другими доминирующими цветами. Люди в синей одежде иногда сидели по одиночке.

Один из таких одиночек сидел достаточно близко к Милане, и она решила разузнать о местных правилах и путях получения еды именно у него. Другой вариант – бритый парень в красном, который сосредоточенно что-то жевал. Но бритых Милана никогда не любила, от них веяло агрессией и ненужной резкостью. Тем более, у синего одиночки было какое-то спокойное и задумчивое выражение лица. Она уже открыла рот, чтобы поздороваться, как он сам заметил её, быстро оглядел и явно удивился ей:

– О, ничего себе! Несколько неожиданно всё происходит, да?

– Ну, и да, и нет.

– И да, и нет, – медленно повторил он. – Странно, да? – Потом он полностью развернулся к ней и, улыбаясь, спросил:

– Так, ну а от меня ты что сейчас хочешь?

– Я хочу узнать, как тут можно получить еду.

– Это есть хорошо.

– Что хорошо есть? То, что ты ешь?

– Нет, не есть хорошо. Просто хорошо. Не это важно. Еда в том конце, – он указал в дальний угол холла. – Подойдёшь,

выбираешь, что хочется, есть поднос, и всё.

Милана пристально смотрела на синего одиночку. «С тобой-то что не так? – думала она. – Ведь что-то не так...».

– Я непонятно объяснил? – после некоторой паузы продолжил парень. – Так, лучше показать. Давай иди вперёд, я все сделаю для тебя.

– Ты... все для меня сделаешь?

– Ну да, а что не так?

– А что именно ты для меня сделаешь?

– Ну, возьму поднос, расскажу блюда из чего. Или блюдо.

– А... понятно.

– А ты что ещё хочешь?

– Нет, ничего. Пошли.

В дальнем углу оказалась целая система с кнопками и надписями – некое интерактивное меню, которое позволяло не только выбрать самое подходящее на данный момент блюдо, но и получить рекомендации по подбору гарнира, соуса, напитка и т.д. В итоге на табло отражалось распределение в блюде четырёх вкусов – сладкого, солёного, кислого и горького. И аппарат очень хотел, чтобы ты выбрал обед, уравновешенный по этим четырем позициям. После того, как машина несколько раз предложила выбрать хрен, для увеличения уровня горького, Милана сдалась и нажала соответствующую кнопку. В результате появилась радостная зелёная табличка: «Ваша еда идеально сбалансирована по вкусовым оттенкам. Приятного аппетита!» Из другого конца по-

явился поднос с едой, украшенный живой розочкой.

– Я удивлён, что у тебя на подносе цветок. Я бы подумал иначе.

– Почему?

– Ну, я вот больше люблю свечку, хотя никогда её и не зажигаю. Я думал, у тебя тоже будет свечка.

– Ну, знаешь, может, я бы и предпочла свечку, но это же не мой выбор был.

– А как понять, что выбор не твой?

– Что ты имеешь в виду? Как тебе понять? Или как мне понять? – Милана выдохнула, сделала паузу и только потом продолжила – Или что вообще ты имеешь в виду?

– Нет, почему выбор не твой?

– Ну потому что я про розочку ничего не говорила, это же аппарат выбрал.

– Аппарат выбрал?!

– Да.

– То есть ты думаешь, что аппарат может выбрать что-то вместо тебя?

– Ну да, в каком-то роде. Он же уговорил меня на хрен, я вообще его не собиралась брать.

– Аппарат тебя уговорил? Он же ничего тебе не сказал.

– Слушай, ну я в другом смысле, что ты придираешься к словам? Ладно хрен, но розу точно я не выбирала.

– Ты всегда выбираешь. Всегда. Выбираешь. – Он посмотрел на её озадаченный вид, и тут же продолжил, – ну, это об-

щие слова. Общая мысль. А аппарат сложен, да. Иногда как будто он тоже живой. Ладно, если ты готова, то мы идём.

Пока они шли обратно, Милана заметила, что все, кто обращает на неё внимание, смотрят с удивлением. А внимание больше всего обращали люди в красной одежде. На одну из таких компаний Милана засмотрелась, так как в ней инородным пятном выделялась весёлая девушка в зелёной одежде спортивного типа. Она радостно было помахала Милане рукой, но тут же её красная соседка слегка толкнула локтём в бок и начала что-то объяснять, размахивая руками. Спортивная девушка тут же забыла про Милану и стала увлечённо слушать и кивать своей соседке.

Рассматривая компании за столами, Милана заметила, что есть некоторые люди, одежда которых не однотонна. У одного пожилого мужчины, медленно вещающего что-то молодой аудитории и тыкающего в какой-то график, были зелёные рукава на синей кофте. А у шикарной брюнетки на красном платье с вырезом красовался большой зелёный цветок – брошь. Она постоянно поправляла его. Как будто стараясь обратить всеобщее внимание на его наличие.

Как-только они сели обратно за стол, зазвучала приятная мелодия. Даже что-то вроде знакомое, но Милана не успела прислушаться к музыке, так как вдруг все начали вставать и куда-то расходиться. Её помощник тоже встал.

– Ты куда? И все куда уходят?

– Была мелодия. Главный перерыв завершён. Я должен

идти. Прямой сейчас. Ещё увидимся. – Он успел пройти два шага, но потом всё-таки обернулся к растерянной Милане. – Слушай, ты странная.

– Я странная?!

– Я что-то не правильно сказал? «Ты странная» – это непонятное предложение?

– Предложение-то понятное

– А почему ты спросила?

– Так, всё. Я тогда тоже пошла, – сказала Милана, оставаясь сидеть на месте.

– Да, думаю это хорошая идея. И... я – Патрик. Это просто информация, вдруг ты интересуешься. – Он улыбнулся, развернулся и, насвистывая, пошёл в сторону аппарата для выдачи еды.

– Понятно, – медленно проговорила сама себе Милана, наблюдая, как в зале становится всё меньше и меньше людей. На мгновение ей показалось, что у выхода она увидела знакомую фигуру с рыжей шевелюрой. Милана подскочила, чтобы получше рассмотреть, но силуэт уже завернул за дверь. Она видела его всего пару секунд, но почему-то была почти уверена, что это был тот тип с ножом-ручкой. Что он здесь делает?

Скоро она осталась одна, и было в этом что-то неправильное. Даже пить кофе в центре пустого пространства было неудобно. Так, а как он сказал, его зовут? Какое-то странное имя... и вроде простое, без сложных букв... мда, опять это

имя не задержалось у неё в памяти. Записывать их, что ли?

Да, сидеть одной на целой скамейке было как-то странно и даже как-будто не очень безопасно. Милана взяла еду, пересела в уголок, быстро все съела и направилась к двери. Но на полдороги она остановилась, оглянулась – её поднос с пустой посудой смотрелся бельмом на фоне идеально чистых столов. Милана сразу почувствовала себя виноватой, пришлось вернуться, взять поднос и... и что делать дальше? В суматохе прощания с... ну с этим... как его?.. назовём его, пожалуй, одиночкой. Так вот, пока она прощалась с одиночкой и наблюдала, как все люди в едином порыве вдруг куда-то уходят, совершенно меняя атмосферу помещёния, она совсем не проследила, что же все эти люди успели сделать с подносами, прежде чем уйти.

Запись в журнале: «В ситуации без постороннего наблюдения действует в полном соответствии с теорией разбитых окон (зачёркнуто)... стёкол (зачёркнуто)... окон...» (прим. Автора. Теория разбитых окон Джеймса Уилсона и Джорджа Келлинга 1982 года), Тут помощник перечитал свою фразу и начал переживать, что его отчёт может быть трудным для понимания. Вот, например, в последней фразе, особенно, если прочитать её отдельно, то совсем непонятно, кто именно действует в соответствии с теорией. И стоит ли название теории взять в кавычки? Такие логические размышления отвлекли помощника от собственно на-

блюдения за своим объектом и погрузили его в переживания и моделирование развития различных вероятных ситуаций того, каким именно образом его отчёт может быть истолкован как неточный или написанный не в полном соответствии с инструкциями, или слишком вольно сформулированный. А ведь он мог ещё оказаться и скучным, содержащим грамматические ошибки или, наоборот, не содержащим никакой ценной информации, мог оказаться чрезмерно сухим или непростительно поверхностным. И все возможные варианты развития процедуры оценки его отчёта приводили к тому, что его признавали недостаточно готовым для предоставления ему Выбора. Да, нужно было, конечно, идти не в помощники с этой сложной процедурой наблюдения и отчётности, а, например, в модератора заданий или в обсчётчика тестов... или в распределители! Да, как-будто кто-то когда-то разрешит ему стать распределителем. Он уже представил себя в этом высоком кресле и бежевом одеянии... это было бы волшебно. Как же тогда спасти свой отчёт, а значит, и себя? Помощник подумал, что хорошо бы ему знать имя объекта своего наблюдения, ведь так ему было бы гораздо удобнее писать отчёт. Он полез в большую папку, и начал листать первые страницы. Ага, значит, Милана, 35 лет, не замужем, живёт одна... Почему раньше ему никогда не приходило в голову почитать информацию об объекте? Не обвинят ли его в незаинтересованности своей работой? Но как только он сильнее взял папку в руки, тут же текст стал размытым

и появилась надпись: «К сожалению, с целью объективности выполнения задания у вас нет разрешения на ознакомление с этой информацией. Если хотите, вы можете обсудить этот вопрос с командой». Ладно, что ж, нет так нет, тем более, что, посмотрев на экран, он с досадой обнаружил, что Миланы уже нет в общем зале. Тысяча желаний, как мог он пропустить результат теста с подносом! Конечно, никакого такого теста не существовало, но что это, как не возможность проявить себя и увидеть в ситуации возможность проверки теории разбитых стёкол... или окон... а может, и зеркал... Надо бы записывать основные понятия, чтобы не путаться в терминологии. А то это выглядит непрофессионально. Просто счастье, что он быстро обнаружил Милану у выхода из зала.

Глава 3

Милана вышла из зала, ощущая во рту приятный привкус кофе. Что ещё нужно – поел, попил, так хорошо! Вот бы ещё стены не были такими однообразно белыми. Как-то совсем неинтересно было идти обратно по этому белому коридору в белую комнату, да ещё и без окна. И Милане очень захотелось выглянуть в окно... Но где его найти? Она посмотрела на вторую дверь, вспомнила этого самовлюблённого человека там, и никак не могла вспомнить, видела ли она там окно. Она подошла снова к двери и чуть-чуть толкнула её. Дверь приоткрылась на маленькую щёлочку, ровно так, как и хотела Милана. Она прищурилась и начала рассматривать доступную ей часть комнаты. Прямо по центру её поля видимости сидел всё тот же пожилой дед и, казалось, смотрел прямо на неё. Да не казалось, он реально смотрел. Милана отпрыгнула от двери и прислушалась. Ничего не произошло, за дверью было совершенно и даже как-то неестественно тихо.

Заводить разговор с этим странным и надменным мужчиной ей совсем не хотелось. Конечно, надо было бы закрыть дверь, но если она снова к ней приблизится, то не войти будет совсем нелепо. Оставляя дверь открытой тоже не очень хорошо, но, только представив себя в этой зале, Милана почувствовала явное желание уйти из неё. В конце концов, она

никому ничего не обещала, и навряд ли он вот так там сидит и ждёт её. Если бы ждал, то мог бы как-то и проявить себя, он же явно её заметил. Мог бы позвать, но нет же, не зовёт. «А вдруг позовёт? Ведь придётся ответить!» – эта мысль пронеслась в голове Миланы и тут же подтолкнула её к решению. Она развернулась и быстрым шагом пошла по коридору.

Дойдя до своей комнаты, она взялась за ручку и обнаружила, что она не поворачивается. Зато на двери тут же возникла надпись: «Для вас подготовлена комната 36А. Надеемся, она придётся вам по вкусу. Голубая лента на полу покажет вам дорогу до вашей комнаты». Милана посмотрела на пол и действительно обнаружила отливающую приятным голубым оттенком линию, ведущую в ещё неизведанную часть коридора. Пройдя по ней минут пять, следуя всем поворотам и лестничным переходам, Милана снова очутилась перед дверью, но теперь она была не безликая и белая, а уютная дверь из состаренного дерева.

Открыв её, Милана очутилась в комнате своей мечты – небольшая, но светлая и просторная. Столик с покрытием из настоящего лабрадорита приятно холодил руку и поблескивал фиолетовым. Милана тут же плюхнулась в кресло рядом с ним, которое словно было взято из модного кафе – обитое мягкой тканью, с круглыми подлокотниками, достаточно большое, чтобы забраться в него с ногами. Чем больше Милана разглядывала свое новое жилище, тем больше начинали сиять её глаза. Но вдруг она резко вскочила, осознав, что

у неё в комнате имеются шторы. Подбежав к ним, она чуть помедлила от волнения. Ей казалось, что там должно быть точно большое окно, а за ним какой-нибудь прекрасный вид, и разочаровываться, обнаружив, что шторы просто закрывают часть стены, ей точно не хотелось. Да, лучше пока побыть в чудесном неведении и представить, что за окном шикарный вид, чем столкнуться с жестокой реальностью. Поэтому, так и не отодвинув штору, она решила лучше исследовать, что за дверь имеется в углу комнаты. За дверью в углу оказалась ванная комната, с душем водопадного типа. Столешница в ванне тоже была из натурального камня, но в этот раз из белого мрамора, а рядом с ней висел такой же белоснежный махровый халат. Увидев его, у Миланы уже не было сомнений в своих дальнейших планах. Она тут же полезла принимать душ. Испробовав все режимы работы душа, намазавшись ароматными лосьонами, так кстати оказавшимися на мраморной полочке, Милана вышла из душа и села было в кресло. В кресле ей не хватало только пледа и камина для полного расслабления. А тем временем, перед её взором снова оказались шторы.

Любопытство всё росло и росло, да и кроме того, делать в комнате было абсолютно нечего. Милана ещё раз внимательно оглядела всю комнату, но так и не нашла ни книги, ни блокнота, ни ручки. Решительно нечем заняться, отчего шторы тянули к себе всё больше. В конце концов, Милана встала, взялась за шторы, выдохнула, постояла ещё пару се-

кунд и сильным резким движением распахнула их.

Она не могла поверить сама себе. Перед ней было не окно, а целая панорамная стена из стекла. А за стеклом... за стеклом – море. Видимо, здание находилось прямо на первой линии строений у моря, так как никаких других сооружений видно не было – только пляж и бесконечное море. Оно билось мягкими волнами, языки которых далеко заходили на линию пляжа и потом медленно, с пеной, откатывались обратно. Солнце светило ярко и образовывало на воде широкую полосу солнечных зайчиков, переливавшихся так весело и ярко, что настроение поднялось как-то самой собой. Пара пальм, раскинув свои широкие ветки, стояли без движения. Погода явно была отличной.

Милана начала искать возможность открыть окно, чтобы слиться ещё больше со всей этой природой, но с разочарованием обнаружила во всей этой стеклянной стене метра в два шириной только одну небольшую форточку, и то на высоте чуть выше головы. Дотянувшись до бегунка, она открыла её, и комнату заполнил ритмичный шум волн, похожий на дыхание моря – быстрый вдох и медленный шершавый выдох, затем, после небольшой паузы, снова быстрый вдох, и так без остановки. Милана долго пыталась высунуть в форточку голову, но из-за неудачного расположения и небольшого размера форточки, Милане это никак не удавалось. В итоге она сдалась и просто вывесила наружу руку. Ветра совсем не было, но несмотря на это солнце оказалось совсем не жарким.

Милана смотрела на солнце и пыталась понять, можно ли из расположения солнца чуть справа понять, будет ли ей виден из окна восход или закат. Ведь это было бы замечательно! Конечно, лучше всего – закат, так как ради восхода нужно было бы рано встать, а это не в её правилах. Если есть возможность поспать, то Милана всегда выбирала именно её. Это лучше, чем выйти пораньше и успеть на работу до пробок, или чем получить дешёвый комплексный завтрак в кафе или... короче, ничего нет лучше возможности поспать. Только необходимость встать на работу или, там, к врачу могла заставить её завести будильник. И теперь даже самой Милане стало интересно, смогла бы она проснуться ради восхода солнца на море или нет.

Девушка стояла и смотрела на море, на солнечных зайчиков, на пальмы, и ей казалось, что она смогла бы стоять так вечно, тем более что солнце на удивление не создавало неприятной жары, а просто приятно сияло в небе. Милане вспомнилось, что как-то в одном из попсовых журналов о психологии она прочла статью про ресурсное состояние. Там утверждалось, что принимать решения нужно именно находясь в таком состоянии – когда ты на подъёме, бодр, ощущаешь в себе силы, желание двигаться вперёд, ну или просто дышишь полной грудью. Именно в таком состоянии решения даются легко, за ними не приходят многочисленные сомнения и желания передумать, они быстро реализуются, и в конечном счёте человек остаётся ими доволен. И наобо-

рот, если решения принимать, находясь в так называемом нересурсном состоянии, то есть в состоянии общей усталости, или грусти, или апатии, или под давлением сроков, третьих лиц и обстоятельств, то такие решения потом кажутся лишним грузом, даются тяжело и совершаются скорее из желания выйти из ситуации выбора, а не из-за того, что этот выбор тебе нравится или кажется самым лучшим. И вот, прочитав эту статью, Милана тогда подумала, что она не может вспомнить, когда она в последний раз находилась в этом самом ресурсном состоянии. Всё время то спать хочется, то какая-то проблема в голове, то устала, то в транспорте кто-то выбесил. И что же тут делать, не принимать никаких решений? Так ведь тоже не получается... А сейчас, стоя перед окном и глядя на море, Милана подумала, что вот это, наверное, и есть то самое ресурсное состояние – ощущение какого-то спокойствия, внутренней радости и готовности что-то сделать. Даже желания что-то сделать. Что-то хорошее и великое. Доброе и большое.

И как только Милана это подумала, она услышала за стеной какой-то звон и грохот. Тут же в памяти яркой вспышкой возникло воспоминание о женщине на коробках. Нет, этого не повторится, в этот раз Милана не оплошает. Она выскочила из комнаты и дёрнула соседнюю дверь. Та не поддалась. Милана дёрнула ещё и начала стучать. «У вас всё хорошо?» – кричала она.

Глава 4

Карина была очень рада, что больше ей не нужно ни в чём участвовать. По крайней мере, в ближайшее время. Конечно, помогать другим людям проявить свои качества и адаптироваться в новой для них ситуации важно и нужно, но тот факт, что ради этой благой цели нужно вводить кого-то в стресс, пусть и небольшой, был ей не совсем по душе. Понятно, что это была лишь небольшое проявление благодарности за ту возможность Выбора, которую, как она очень надеялась, ей предоставят, но кое-какие сомнения у неё остались. Да и потом, какая из неё актриса? Вот если бы кто-то и запорол весь этот небольшой спектакль, так это она. Она полночи не спала, переживая и продумывая детали своей роли. И очень удачно, что ей пришла в голову идея придумать роль без слов. Интонацией она бы точно себя не выдала. Ох, ну ладно, вроде ею все остались довольны, вроде всё прошло хорошо, вот и шикарно. Теперь можно спокойно оставаться в своей комнате. Иногда так приятно побыть без людей. Безусловно, с людьми лучше, но нельзя же взять всю свою комнату и перенести её в общий зал. Интересно, есть ли ещё у кого-то здесь такой же вид из окна? Карина посмотрела на панель у себя над кроватью. Она горела жёлтой семёркой. Карина установила себе семёрку сразу же, как только ей дали управление этой панелью. Иногда, как сейчас, ей приходила

в голову мысль немного понизить значение, но было так хорошо на семёрке, что она так ни разу и не поменяла её.

Она посмотрела через стеклянную стену на заснеженный лес. Это же просто сказка какая-то, как из самого детства, когда бабушка жарила на печке яичницу, и пока сало шкварчало на сковороде, Карина забиралась на диван, ложилась как кошка на его спинку и смотрела в окно. А там были такие же огромные белые шапки на елях, пригоршни снега на них и тонкие белые ниточки снежинок на ветках берёз. И она смотрела на весь этот блеск, представляя, что все это – несметные сокровища снежной королевы, и больше всего на свете ей хотелось, чтобы ночью не подул ветер и не смёл всю эту красоту. А здесь уже вторую неделю не было никакого даже намёка на ветерок, а каждый вечер начинал идти снег, и снежинки медленно летали и искрились в свете фонаря.

Карина погрузилась в воспоминания о детстве, и ей на ум пришёл танец, который они с бабушкой разучивали на Новый Год, чтобы удивить родителей. Конечно, больше танцевала Карина, а бабушка только пела и хлопала в ладоши. И Карине вдруг стало очень интересно, вспомнит ли она этот танец. Она вскочила с плетёного стула и начала вспоминать: сначала как будто водим хоровод, потом кружимся на месте, потом приседаем, изображая маленький грибок, а потом резко прыгаем вверх, расставляя руки и ноги. Весело прыгнув, Карина с размаху ударила рукой о стол. Он тут же начал падать, а вместе с ним и всё на нём находящееся. Поче-

му-то Карина начала спасать именно кружку с чаем, та пролилась ей на руку, окатив горячей водой. Раздался грохот, блюдце покатилося по полу, и не успело оно окончательно остановиться, как кто-то начал барабанить в дверь. Такого скопления внезапных и громких событий Карина здесь припомнить не могла, поэтому некоторое время оставалась стоять на месте и дуть на руку. Однако, человек за дверью явно не собирался успокаиваться и начал диалог прямо через закрытую дверь.

Карина открыла здоровой рукой замок и увидела перед собой взволнованную девушку.

– У вас все хорошо?! – кричала она.

– Да. Все прекрасно. А у вас?

– Я просто услышала шум, как будто что-то упало, или... или, может быть, кто-то упал.

– А, это я просто танцевала и задела стол. А на нём была посуда. И вот всё это упало.

– А вы точно одна?

– Да, конечно, как же иначе?

– А могу я проверить? Можно я войду? – на этот раз Милане хотелось быть абсолютно уверенной, что никто не пострадал и никому не нужна её помощь.

– Проверить?! Странно, но входите, конечно, раз хотите.

Милана вошла. Она увидела перевёрнутый стол, разбитую посуду на полу, блюдце у окна и заснеженный лес. Потом она снова перевела глаза на, видимо, хозяйку комнаты:

– А что у вас с рукой?

– Да так, ничего, просто, видимо, обожгла немного.

– Что-то она у вас слишком покраснелась для небольшого ожога, вы не находите?

Карина начала внимательно разглядывать свою руку:

– Ну да, покраснелась, нахожу. Но что ж тут поделаешь?

– Так вы её под воду холодную подставьте, – Милане очень хотелось оказать помощь.

– Да нет, идти далеко, я думаю, всё нормально, ничего страшного.

– Почему далеко идти? Вот же у вас ванная в двух шагах, – Милана уже снова начала терять нить происходящего, и от этого резким жестом показала на дверь в углу комнаты. Планировка их комнат была явно одинаковой.

– Там не ванная.

– Как не ванная? А что же тогда там?

– Там игровая комната, – Карина заметила растерянность незваной гостьи и решила пояснить, – ванная никогда не была для меня важна. Я всегда хотела иметь отдельную комнату, где можно было бы весело проводить время большой компанией. – Она немного помолчала. – Теперь осталось только компанию собрать. Кстати, меня зовут Карина, – она протянула руку для рукопожатия, – а то в общей белой комнате мы как-то, так сказать, не успели познакомиться.

– Что?! – Милана более внимательно всмотрелась в свою соседку, и действительно узнала девушку, читавшую пустые

листы. – Но у тебя же были зелёные глаза!

– Так это были линзы, – рассмеялась Карина, взмахнув рукой, так как рукопожатия она так и не дождалась, но это её не смутило – таких ярких зеленых глаз и не бывает!

Она тоже стала рассматривать Милану более пристально.

– Подожди, а почему ты все ещё в белом?

– А что?

– Ну, почему ты не в своём цвете?

– Ну... – задумалась Милана, но ничего не пришло ей в голову. – Меня и этот устраивает.

– Так а цвет-то у тебя какой?

– Какой цвет?

– Ну, вот у меня – зелёный, – Карина для убедительности высказывания даже растянула футболку у себя на груди, как будто именно этот объём её зелёной одежды должен был сейчас прояснить ситуацию.

– Ты что, не видишь, какой у меня цвет одежды?.. Ой, извини, ты дальтоник, наверное. Или у тебя какое-то особое зрение... Точно, ты такую странную книгу читала... ну, тогда, в общей комнате.

– Нет! – снова рассмеялась Карина. – Это же я специально тогда, чтобы тебя раскачать, так сказать. Ну как все делают, я вот с книгой так решила ...

– Что значит меня раскачать? Зачем?

Обе девушки озадаченно смотрели друг на друга.

– Подожди, – медленно заговорила Карина, – так ты была

у распределителя?

– У кого?

– Ну, в комнате рядом с комнатой общего питания?

– Нет, не была.

– Как странно, – Карина перестала улыбаться и снова начала рассматривать Милану, как будто её внешний облик должен был подкинуть ей какой-то информации.

– Ну, – Милане захотелось как-то оправдаться, ведь по сути тот тип действительно говорил, что ждёт её. – Просто я когда заглянула, там сидел какой-то такой неприятный тип, так что разговаривать с ним мне совсем не захотелось

– Неприятный тип?! – Карина смотрела на соседку с удивлением и интересом, но в то же время как-то невольно отступила от неё на шагок назад. Ей подумалось, а не сболтнула ли она тогда чего лишнего, раз эта девушка ещё не была у распределителя? Совершенно непонятно, что ей можно говорить, а что нельзя. И вдруг Карина уже каким-то образом помешала запланированному ходу событий. Мысли начали тревожно возникать в её голове одна за другой. А что, если это как-то негативно отразится на самой Карине? Ведь она себе уже всё так хорошо придумала, и всё, что её просили, сделала. И будет очень обидно, если из-за этой встречи ей теперь не дадут Выбор. Ведь ей и выбирать-то нечего, всё она уже решила. Но, с другой стороны, её никто не предупреждал. Все-таки нужно быть поосторожнее с этой дамой. Лучше перестраховаться.

– Ты его видела? – Уточнила Милана. И после задумчивого кивка Карины, продолжила – Ну согласишься, что он какой-то мутный, себе на уме. Я бы даже сказала самовлюбленный.

– Я бы так не сказала...

Запись в журнале: «Выраженные чувства к распределителю. Вероятно, отрицательные. Высока вероятность, что это повлияет на результаты. Возможно, плохо контактирует с мужчинами. Возможно, с мужчинами старшего возраста».

– Ну не важно, подожди, то есть ты читаешь обычные книги? – вернулась Милана к интересующей ее теме.

– В целом, да, но на самом деле я не очень люблю читать.

– Понятно. Так, а почему ты тогда вела себя так странно?

– Слушай, я не могу тебе этого рассказать.

– Это секрет?

– Не то чтобы секрет, просто я не думаю, что рассказать тебе про всё это должна именно я. Даже ,я думаю, это совершенно не должна быть я... Так мы пойдём к тебе мочить мою руку? Она все ещё болит, немного, – приврала Карина, чтобы уйти от неловкой темы

– Да, конечно.

Вместе они вошли в комнату Миланы, и на них тут же пахнуло летом.

– Ого, у тебя море, как здорово! – Карина тут же подбежала к окну и уткнулась в него носом. Потом она высунула ладонь в форточку и раскрыла её навстречу солнцу. – Только особо не греет, да?

– Да, не греет.

Карина снова заулыбалась и резко повернулась к Милане:

– Так, а если ты не была у распределителя, то почему тебя не удивляет, что у тебя в окне лето, а у меня – зима? А? Прокोलась! – рассмеялась Карина. – Ты же меня просто разыгрываешь, да? Решила отомстить за общую комнату?

– Вообще нет. А чего удивляться-то? Просто, наверное, фотообои какие-то крутые у тебя в комнате. Хотя я в первый раз, честно говоря, встречаю человека, который любит зиму.

Карина задумчиво смотрела на Милану, говорила та спокойно и вроде бы не играла, но как-то всё же совсем странно с ней. Вдруг Карину посетила идея. Она мельком посмотрела на датчик над кроватью. Как и предположила Карина, он светился розовой десяткой. Мда... и наверняка пульта управления у этой дамы нет.

– Куда ты смотришь? – попробовала проследить её взгляд Милана.

– Да нет, никуда. Пойду я руку-то помою.

Ванная действительно была шикарной – мелкая плитка, холодный натуральный камень. Карина медленно провела по нему рукой. Хотя если о такой случайно стукнуться головой, то можно больше уже и не встать. Нет, игровая спортивная

комната всё же лучше. Там точно ничего не разобьёшь и ни обо что не стукнешься. Она сделала правильный выбор. Она молодец. И нужно быстренько отсюда смыться, пока не надделала и не наговорила чего-то, о чём она потом будет жалеть. Карина решительно вышла из ванной:

– Ну, приятно было познакомиться! Как, говоришь, тебя зовут?

– Милана.

– Да, Милана, приятно было познакомиться, я пошла.

– Подожди, так, а кто мне должен рассказать про всё, что происходило в общей комнате?

– Ну... я не знаю, – Карина уже начала жалеть, что спросила про имя. Нужно было просто быстро пройти к двери и буркнуть что-то по дороге. И уйти. Учитывая десятку над кроватью, возможно, она и не пошла бы за ней в коридор.

– А что ты там про цвет одежды говорила? То, что ты в зелёном – что-то значит?

Карина тяжело вздохнула. Ну как бросить человека одного со всеми этими вопросами? Но как же её Выбор? Вот почему нельзя, чтобы хорошо было сразу и всем? Она попыталась найти компромисс. Ответить, но при этом ничего и не сказать:

– Ты знаешь, ты бы сходила к распределителю. Больше я тебе ничего сказать не могу. – И она вышла из комнаты. Вернувшись к себе, она легла на кровать лицом к стенке. Да, в следующий раз она так и сделает. Встанет и быстро уйдёт.

И к чёрту вежливость. Хотя, конечно, это немного неловко. Сможет ли она хоть когда-нибудь так сделать? Встать и уйти от ненужных проблем, а не сопереживать человеку, особенно когда решил, что помочь ничем не можешь.

Глава 5

Идти к этому гадкому распределителю совершенно не хотелось. Но при этом хотелось узнать ответы на свои вопросы. Милана в раздумьях плюхнулась на кровать, и тут же почувствовала, как что-то ударило её об голову. Засунув руку под голову, она вытащила блокнот с прикреплённой к нему на резиночке ручкой.

«Как кстати!» – подумала Милана, и оглядела комнату в поисках новых находок. Но в комнате ничего не изменилось, кроме нескольких книг, лежащих в кресле. Милана подошла и взяла их в руки – тёмно-красный «Рюрик пятый. Исторический роман», девушка с розой в руках смотрит на удаляющийся силуэт парня в «Строптивной любви» и красочный сборник кулинарных рецептов. Да уж! Она бросила их обратно в кресло и села на кровать.

Запись в журнале: «Книги были подобраны наспех и не вызвали интереса. Планируется сделать замену на более подходящие по типу (после того, как он будет определен)».

Поговорить с распределителем... поговорить с распределителем... Интересно, что такого распределяет этот неприятный человек. Надо как-то свести общение с ним к минимуму, но при этом максимально получить всю информацию.

Как же это сделать? Наверное, нужно взять разговор в свои руки. Да, начать сразу с вопросов. Какие у неё есть вопросы? Как-то сразу всё и не вспомнить...

Милана посмотрела на блокнот, открыла его, погладила ладонью место склейки страниц и с удовольствием взяла ручку. Она всегда любила делать списки, пункты, подпункты, планы, схемы и т.д. Как всегда начав писать со второй страницы, оставляя первую для более важных идей, которые, возможно, её посетят, и она захочет, чтобы они всегда был перед глазами, она поставила цифру «1» и задумалась. Какие же у неё есть вопросы? О чём там она спрашивала Карину? Так, первое – почему Карина в белой общей комнате изображала из себя, что читает пустые страницы.

Записав, Милана ещё раз перечитала вопрос и представила, как она задаёт его седому ухмыляющемуся мужчине. Картинка получалось не очень. Откуда он знает, почему Карина вела себя так, а не иначе. Хорошо, тогда второй вопрос – почему Карина... ох, опять Карина, ну ладно... почему у неё зелёная одежда. Это тоже какой-то странный вопрос. Может, она любит этот цвет. Нет... какой-то там другой был вопрос, более общий... О! Вот! Значит ли что-то цвет одежды? Почему все одеты в одежду трёх цветов? Вот это уже нормально. Она задаст этот вопрос, быстро получит ответ и уйдёт. А потом сверит свои данные с Кариной. Да, звучит логично.

Милана вышла из комнаты и зашагала по коридору. Чем

дальше она шла, тем больше её начинало охватывать раздражение. Почему Карина не может ей ответить?! Что за дурацкие правила? И зачем вообще может потребоваться изображать столь странные действия? Почему все странно на неё смотрят?

Запись в журнале: «Из коридора плохой сигнал. Но кажется, принятие начинает резко падать».

Проходя мимо двери, за которой лежала женщина с коробками, Милана передёрнула плечами, ускорила шаг и погрузилась в детали той ситуации – вспомнилось лицо без движения и пустые глаза. Из-за ее предупредительности и тактичности мог умереть человек ...

Через несколько секунд она поняла, что, видимо, находясь в своих мыслях она остановилась и теперь стоит посреди коридора. Разговаривать ни с кем особо не хотелось, но дверь распределителя уже виднелась в конце коридора. Милана медленно подошла к ней, постояла, взглянула на свой жёлтый блокнот и начала с неохотой медленно открывать дверь. Но потом остановилась и постучалась.

– Да-да! – ответил женский голос.

Милана тут же подняла голову, быстро открыла дверь и заглянула внутрь. Увидев в знакомом кресле немного полную пожилую даму, Милана выдохнула и улыбнулась:

– Добрый день!

– Очень добрый, проходите!

– А я хотела поговорить с распределителем, если честно. – И, испугавшись, что, возможно её к нему не пустят, и она потеряет свой шанс получить ответы, она быстро добавила, – я видела его недавно, и он сказал, что ждёт меня.

– Да, хорошо, давайте поговорим.

– Да, но я бы хотела именно с распределителем поговорить. Мне так... посоветовали.

– Посоветовали, говорите? Странно. То есть вы не по своему желанию пришли?

– По своему, совершенно по своему!

– Ну так садитесь тогда.

Милана села посередине вытянутого стола. От пожилой дамы её отделяли стульев шесть.

– А когда он придёт?

– Кто?

– Распределитель.

– Так это я, я уже здесь.

– Вы? Но ведь был тут мужчина, такой... как бы сказать... немолодой.

– Да, но для вас распределителем хотела бы быть я. Если вы за.

– Серьёзно? Я очень за, очень! – Милана широко улыбалась, усиленно стирая из памяти образ самовлюблённого ухмыляющегося типа.

– Вот и отлично, тогда давайте сразу приступим. Перед

вами будет ряд вопросов и описаний ситуаций, – стол перед Миланой засветился голубым, и на нём стал появляться текст. – Вы видите их?

– Да.– девушка внимательно разглядывала стол.

– Вам нужно будет либо выбрать ваше поведение в них из предложенных вариантов, либо самостоятельно кратко описать его в окошке. Пожалуйста, на каждый ответ используйте не более 15-ти слов. Попробуйте нажать на зелёную кнопку сверху. Что вы видите?

– Клавиатуру.

– Отлично. Тогда прочтите первый вопрос и варианты ответа, как вы их видите.

Милана прочла.

– Отлично. Это займёт некоторое время. Но чем меньше инструкций, тем лучше. Вы запомнили, не больше сколько слов может содержать ваш ответ.

– Да.

– Сколько?

– Не больше 15-ти.

– Да, всё верно. Тогда вы можете приступать. Чтобы вас не отвлекать, я уйду и вернусь, как только вы закончите.– Она направилась ко второй двери, которая, как оказалось, располагалась за её креслом.

– Подождите! – остановила Милана даму уже в дверях.

– Я что-то непонятно объяснила?

– Нет, все понятно. Просто, я вообще-то хотела задать вам

несколько вопросов.

– Вопросы? Но вы сейчас сделали всё абсолютно верно, так что я уверена, вы сможете ответить на все предложенные ситуации. Лишняя информация будет вам только мешать. Я вернусь, как только вы закончите, – дама улыбнулась и закрыла дверь

– Лишняя информация будет только мешать, – медленно, нараспев, повторила Милана, оглядывая комнату. В ней совершенно ничего не было, кроме стола, стульев с креслом и светящегося участка стола. Она положила блокнот на соседний стул и села спиной к столу, запрокинув голову. Да уж, ничего не скажешь, задала она свой вопрос, как же. Как так получилось, что она и рта не успела открыть?

Вдруг за спиной раздался какой-то звук, она повернулась обратно и заметила, что цвет экрана стал ярко оранжевым, и на нём мигала надпись: «Время на ответ подходит к концу». Вот блин! Милана начала срочно читать вопрос.

Глава 6

Через пару минут после того, как Милана ответила на последний вопрос, из стены выехала какая-то полка. Пройдя к ней, Милана обнаружила комплект одежды и надпись: «Подходящая одежда подобрана, для переодевания вы можете использовать кабинку слева». Слева теперь действительно часть стены стала полупрозрачной, и, толкнув этот участок стены, девушка обнаружила за ним небольшую комнату. Милана развернула одежду и была приятно удивлена – брюки с небольшим клёшем от бедра, свободная блузка, собранная у шеи и лёгкая куртка спортивного кроя. Такое впечатление, что кто-то совместил все самые удачные покупки из её шкафа, да ещё сделал так, чтобы они подходили друг к другу по ткани и стилю. Вот только все они были выражены в синей гамме, что делало весь комплект немного скучным. Милане с одной стороны хотелось примерить комплект, который наверняка должен был отлично на ней сесть, а с другой стороны – она ощущала какую-то неприязнь к слову «подобрана». Что за неизвестная сила что-то тут ей наподбирала без спроса и просьб? Сквозило каким-то принуждением и беспомощностью. Но это не делало комплект менее привлекательным.

В комнату заглянула пожилая улыбчивая дама:

– Ой, вы ещё не переоделись. Хорошо, я подожду. Не спе-

шите, – и снова скрылась за дверью.

Так, похоже, это женщина в любом случае не собирается разговаривать с Миланой, пока она не оденет комплект. Ладно, значит, судьба его попробовать. Милана вошла в переодевалку и обнаружила внутри только одну полочку. Пришлось уместить на ней свой синий комплект, потом, сняв платье, она тоже положила его на полочку. Милана переоделась, и как только она взяла с полки куртку, полочка вместе с её платьем задвинулась в стену. «Вот блин!» – она ощутила стену, потыкала в разные её углы, надеясь вернуть полку, но ничего не произошло. Что за непонятные технологии! Совершенно не юзер-френдли! Но тут из комнаты снова слышался женский голос:

– Сколько времени вам ещё нужно? Просто вы говорили, что хотели задать мне вопросы, а мне скоро нужно будет уже уходить. Поэтому я и спрашиваю. Других причин для спешки нет, так что если вы передумали...

– Нет-нет, – выскочила из переодевалки Милана, – я все ещё хочу задать вам вопросы. Просто моё платье куда-то пропало.

– Оно просто ушло на повторное использование. Вы готовы к вопросам?

– Я? Готова? Ну, вообще-то это я хотела вам их задать. Я вот хотела, например, спросить, почему Карина, когда мы были с ней в общей комнате, странно себя вела, она... – Чем дальше Милана задавала вопрос, тем больше она понимала

как нелепо и непонятно он звучит. – Ну, то есть, наверное, сначала мне нужно объяснить вам всю ситуацию. Я просто не знаю, насколько вы с ней знакомы. Когда я была в комнате с ещё двумя девушками, они обе странно себя вели. Одна из них, Карина, потом сказала мне, что делала это нарочно, чтобы... я точно не помню, как она сказала, ну... чтобы вывести меня из себя. Но когда я спросила её, почему она это делает, – продолжала Милана все медленнее, теряя надежду, что её поймут и дадут ей ответ. И получится, что зря она и этот глупый тест заполняла, и костюм одевала. – Она сказала, что ответить мне не может. А может распределитель. И как я поняла, этот человек – это вы. Вот. Вы можете мне это объяснить? – она подняла глаза на женщину, та на удивление спокойно улыбалась, никак не выражая недовольство или удивление тем, что Милана вывалила на неё такой объём сбивчивой информации

– Да, конечно, я всё вам объясню. Вы пришли, как у вас говориться, если не ошибаюсь, по верному адресу.

– Правда?! Как здорово! – Милана расправила плечи и развернулась корпусом к женщине. И как же хорошо, что тогда она не стала разговаривать с тем заносчивым стариком, куда приятнее общаться с этой милой женщиной.

– Но... но сначала я бы хотела кое о чём с вами договориться. Дело в том, что раз у вас есть конкретные вопросы, то я бы хотела воспользоваться этой неожиданной ситуацией и тоже задать вам несколько вопросов лично. Поэтому пред-

лагаю нам построить наше общение так: я отвечаю на ваши вопросы, а вы – на мои, по очереди. – Женщина заметила недовольство Миланы, та снова откинулась на стул и отвела глаза. И добавила:

– Согласитесь, это будет по-честному. Взаимные ответы друг другу – это по-честному, – женщина особенно выделила слово «по-честному» и улыбнулась, проговаривая его и внимательно смотря на реакцию Миланы.

– Ну, так-то да. Наверное, это по-честному. Хотя... хотя это не очень справедливо. Ведь я же уже ответила на ваш тест.

– А как тогда будет справедливо, с учётом того, что я бы хотела тоже задавать вам вопросы?

– Ну... давайте я буду первой и я задам вам сначала два вопроса. – Сказала Милана и тут же поняла всю нелепость отстаивания справедливости в этой ситуации, так как вспомнила, что у неё в блокноте вопросов всего-то два и есть.

– То есть так будет справедливо? – женщина снова выделила последнее слово и как будто немного улыбнулась при этом.

– Ну да.

– Отлично, тогда начинаем?

– Да. – У Миланы было ощущение, что, несмотря на то что она вроде сама установила правила, при этом же как будто эти правила были невыгодны ей самой. Но зато справедливые.

– Хорошо. Итак, про Карину. Я, кстати, удивлена, что вы знаете её имя. – Милана открыла было рот, но женщина подняла руку. – Но это пока не важно, это мы обсудим позже. Давайте я сначала отвечу, а то мне кажется, что вы не уверены, что получите свой ответ. Итак, да, вы совершенно правы, обе девушки вели себя странным образом и обе это делали намеренно. Это мы их попросили так сделать. Но то, что именно они делали, они придумывали сами. Вы потом тоже сможете сами придумать.

– Я? Но зачем?

– Извините, я забегаю сильно вперёд. Просто я редко нахожусь в этой роли, обычно этим занимается Кадмий – тот мужчина, которого вы видели в этой комнате до меня. У него всё получается более складно. Мы просто не сразу догадались, что вам комфортнее общаться с женщинами, чем с мужчинами, поэтому...

– Мне комфортнее с женщинами? С чего вы взяли?!

– И вот опять я отвлекаюсь, – весело рассмеялась распределитель. – Да это и неважно, извините. Так, время идёт, давайте я вернусь к вашему вопросу, а то мы ничего не успеем. Итак, целью их поведения было протестировать силу вашего принятия. Чтобы снизить стрессовые негативные эмоции. Потому что когда человек испытывает страх или панику или даже сильную грусть, то его поведение будет не чистым, не типичным для него самого. Это получается очень сильная ситуация, и она меняет поведение человека. И получается,

что себя проявляет ситуация, а не человек, а нам интересен человек. Всё по теории сильных и слабых ситуаций. Вы слышали о ней?

– Нет.

– Сейчас это, конечно, уже совсем признанный факт, на неё ориентируется даже законодательство. Но у вас... То есть я хотела сказать, что эта теория открыла, что иногда поведение человека определяется не индивидуальными особенностями человека, а той ситуацией, в которую он попал. И чем больше ситуация оказывает это влияние, тем она считается более сильной. У вас проводили эксперимент когда-то. Взяли 20 испытуемых, добропорядочных граждан, в случайном порядке разделили их на тюремных заключённых и надсмотрщиков. При этом интересно, что изначально никто не хотел попасть в группу надсмотрщиков, – женщина увлечённо жестикулировала руками, показывая на воображаемые группы людей, и даже немного наклонилась вперёд. Казалось, рассказ захватил её, ещё немного, она встанет и начнет чертить на стене какие-нибудь поясняющие графики. – Их поместили в подобие тюрьмы, и уже через неделю люди из обеих групп полностью вжились в свои роли. Надсмотрщики стали охотно отдавать приказы, при их невыполнении ухудшать испытуемым их условия жизни, организовали одиночную камеру для особо провинившихся, а в конце эксперимента даже составили и выдали исследователям правила и расписания контактов с заключёнными, что-

бы это не мешало поддержанию порядка. А заключённые стали замкнутыми, подозрительными с другими заключёнными и пассивными. Даже при встрече со своими родственниками в рамках тюремных свиданий, они стали вести себя тише и не просили их забрать. – Вдруг цвет её браслета сменился с голубого на оранжевый, и она остановила свой эмоциональный рассказ. – Опять я увлеклась. Быстро договариваюсь, что в результате люди поняли, что попав в сильную ситуацию даже добропорядочные люди могут вести себя дурно. И это не из-за того, что они вдруг стали плохими, а из-за того, что воздействие ситуации очень большое. А сам человек, его индивидуальность, проявляется в слабых ситуациях. То есть если мы просто поместим 10 человек в комнату на день, они все будут вести себя по-разному, а если мы сделаем их надсмотрщиками, то большинство людей поведут себя одинаково, хотя ничто до этого в их жизни не указывало на эти черты. Потому что это черты не их, а ситуации. Как же эксперимент назывался... Оксфордский тюремный эксперимент... или стэнфордский... или просто лондонский... как-то так (прим. автора. Стэнфордский тюремный эксперимент Филиппа Зимбардо 1971 года). Я понятно объяснила?

– Допустим.

– Допустим, – повторила женщина. – Да, очень типичное для синих людей слово. Никто не употребляет его чаще них. Так вот, девушки в той комнате вели себя странно, чтобы проверить, что вы всё благостно воспринимаете, чувствуете-

те себя в своей тарелке, как вы говорите, что ситуация для вас не стрессовая, не сильная, принятие работает. А значит, вы будете проявлять себя в соответствии с вашими индивидуальными особенностями. Будете самой собой, так сказать, такой, какая вы есть.

– Что значит, что принятие работает?

– Это ваш второй вопрос?

– Нет.

Женщина улыбнулась:

– Тогда какой будет ваш второй вопрос?

Запись в журнале: «Соответствующие изменения в комнате произведены». Помощник распределителя немного нервничал. Он очень надеялся, что на этот раз все изменения произведены правильно. Прокол с книгами вышел очень обидным – не попасть ни в одну и трёх. Из трёх! Но у него было так мало информации. От нечего делать он посмотрел на скучные серые экраны. Как же долго они находятся в комнате распределителя, и как бы он хотел узнать, что именно там происходит. И что самое интересное, что именно там происходит так нестандартно долго. Все нестандартное всегда вызывало у него особенный интерес. Как он устал от того, что почти всегда знает, чего ожидать. А ведь именно в отклонениях, в нехватке или в излишестве чего-то это что-то проявляет себя в полную силу и яркость, будь то какая-то черта человека, подозритель-

ность или щедрость или какой-то аспект ситуации, вроде наличия рамок или их полного отсутствия. Почти как сейчас, как сейчас. Он посмотрел на приборную доску, на калибровку шкалы принятия. Она все ещё горела красной десяткой. Она горела перед его глазами так долго, что уже начинала его беспокоить. Правильно ли он всё делает? Но ведь в конце концов, его никто не останавливает.

Милана полезла в свою записную книжку. Что там она записала, как самое важное? А! Точно! Цвет одежды!

– Да, я хотела спросить про цвет одежды. Почему все ходят в трёх цветах? И все как-то постоянно к ним апеллируют, это что-то значимое?

– Это вы мне сейчас непростой вопрос задали. И особенно он непростой для меня. Ведь я так люблю всё подробно рассказывать, а тут можно просто днями говорить. – Она посмотрела на Милану и улыбнулась. – Но я постараюсь ответить кратко. Итак, цвета отражают типы людей. В первом приближении можно сказать – психологические типы. Их всего три, есть конечно комбинации цветов. Изначально в человеке есть характеристики и свойства всех трёх типов, но какие-то наиболее сильные, они доминируют и наиболее часто именно они определяют поведение человека. Вот именно этот доминирующий в человеке тип и отражён в его одежде. Какая я молодец, какая кратко все изложила! Надеюсь, ещё и понятно?

– В целом да, но зачем это отражать в одежде...

Женщина помедлила перед ответом, задумчиво постукивая пальцами по столу:

– Знаете, это всё же уже третий вопрос с вашей стороны... Я бы, наверное, перед ответом на него хотела бы задать вопрос вам. Как думаете, это будет справедливо?

– Ну... наверное, да, – погрустнела Милана. – Хотя ситуация пока не особенно прояснилась.

– Тогда, может быть, вы задаёте не те вопросы, которые вам бы её прояснили? Я со своей стороны старалась очень детально обо всём вам ответить.

– Да, вы правы. Может, и так. Давайте свой вопрос, раз уж мы договорились.

– Для вас, как для синего, договорённости очень важны и во многом составляют основу поведения. Поэтому я и договорилась, – снова улыбнулась женщина. – Итак, я хотела бы узнать, почему вас не интересуют имена людей, с которыми вы сталкиваетесь?

– С чего вы взяли, что они меня не интересуют?

– Во-первых, вы их никогда не спрашиваете.

– Ну, вы тоже не спросили моего имени.

– Я просто знаю, как вас зовут. Вы Милана. А как зовут меня?

Милана замолчала и отвела глаза.

– Ммм... просто наш диалог начался очень внезапно. Я планировала спросить... наверное.

– Возможно, но, как я поняла, вы также не знаете, как звали вторую девушку в общей комнате. И наверное я угадаю, если предположу, что Карина представилась вам сама. Так ведь?

Подумав, Милана признала правоту собеседницы.

– А как звали парня из столовой?

– Ну... он говорил, просто я забыла. У меня плохая память на имена. И потом все сразу вскочили, я отвлеклась от его имени.

– Прошу вас, – женщина протянула к Милане руку, – не подумайте, что я хочу поставить вас в неловкую ситуацию. Я не говорю, что это плохо или хорошо. Это просто очень интересная для меня особенность. И я хотела бы узнать об этом побольше.

– Я всё-таки не уверена, что вы правы. Я знаю имена многих людей. Всех своих друзей и коллег, и родственников... ну, родственников, может быть, и не всех, конечно. Но ни то, чтобы я вообще не знала ничьих имён.

– Я понимаю, чьи-то имена вы знаете. Но имена большинства людей вам не интересны. Вот любопытно, как бы вы рассказывали кому-то про меня, если бы возникла такая необходимость? Как бы вы сказали, с кем вы разговаривали?

«С улыбчивой пожилой дамой», – сказала Милана про себя, но вслух говорить ничего не стала.

– Наверное, охарактеризовали бы меня как-то, выделив основные по вашему мнению черты. Или мою роль... Но при

этом чьи-то имена вы запоминаете. Как и когда происходит у вас этот процесс? Это характерно для многих синих людей, но у вас, на мой взгляд, выражено особенно ярко, – женщина снова улыбнулась. – Да, если что, меня зовут Рошель. Но это не особенно важно, можете обращаться ко мне как хотите. Мне даже было бы интересно, какую мою характеристику вы выбрали для обращения. Я не шучу. Но не хотите – не говорите. Но всё-таки – почему имена вам не важны?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.